

Старухи российской глубинки

Чтоб не мучила совесть укором,
Погасив треволнения в себе,
Психология наша забором
Отчуждает погрязших в беде...

Умер батя в Колымских острогах,
Муж погиб на Великой войне,
Сгинул сын-шофёр в дальних дорогах
И единственный внук пал в Чечне.

Протекла жизнь в далёком колхозе,
Где всегда непролазная грязь.
Стопы в трещинах, руки в занозах,
И начальство - испитая мразь.

Посмотри на старушечьи лица...
Как в глубинке Российской страны
Освещают и топят жилища?
Что едят и что носят они?

Ни асфальта, ни водопровода.
И еда, и мытьё на дровах.
Продовольствие из огорода,
Да коза... И все ночи в слезах.

В двадцать первый век мрачным итогом
Вдалеке от столичной возни
Позабытые властью и богом
Доживают последние дни.

И покуда власть будет глумиться,
А покорный народ нем и глух,
Бысть неиконописные лица
Позабытых российских старух.

Ленинград

Капризен климат наш.
Весенними ночами,
Омыт холодными дождями,
Спит Эрмитаж.

В прозрачном утреннем тумане
Повисли дугами мосты.
Воздушно-лёгкой красоты
Нечётко облик старых зданий.

Таинственны в тумане парки.
Неярки храмов купола,
И делят Штаб на два крыла
Взметнувшиеся в дымке арки.

Скульптуры всадников гарцуют
На фоне дремлющих дворцов.

На стенах группы молодцов
Неспешно свастики рисуют.

Был горький символ высоты
В блокадном городе погибших.

Здесь оскорбительно бесстыжи
Неофашистские кресты.

В граните мечется Нева,
А Пётр, взметнувшись над простором,
Грозит потомкам гневным взором,
Ища разящие слова.

Бег времени неудержим.
Я, в детстве пережив войну,
Отдавшим жизни за страну
В вину не ставлю наш режим.

Но неизбежно расставанье.
Любовь и боль в себе прессуя,
Свет белой ночи унесу я
В недобровольное изгнание.

Наталья Кравченко

Саратов

Я свернула в сторону
от больших дорог,
где цветы не сорваны
и рассвет продрог,

где лесное озеро -
словно лик судьбы,
где растут по осени
строки как грибы.

Я стою под ливнями,
на ветру планет.
Генеральной линии,
магистралей - нет!

Все дворцы с бассейнами,
светские пиры,
все пути шоссейные
в Скотные дворы -

всё, что здесь упрочено -
отвергаю прочь.
Жизнь моя - обочина,
шаг с обрыва в ночь,

где репейник колетя
и поёт вода.

Жизнь моя - околица,
тропка в никуда!

Где не обезличена
стадная артель,
где своя лишь личная
внутренняя цель.

Лузеры с бастардами,
вы - России честь.
С утками стандартными
лебедю не сесть.

Лебеди вы мои адские,
мой лебединый стан:
Рильке, Блаженный, Анненский,
Хлебников, Мандельштам...

До ваших перьев падкого, -
взвихшихся в небосклон, -
вам от утёнка гадкого
через века поклон.

Я обожаю каждого.
Чувствую неба вкус.
Как я всегда их жаждала,
этих волшебных уз!

И, захлебнувшись в лепете,
пробую голосок...
Белые мои лебеди,
киньте перо с высот!

Вишнёвый сад

Не звонят колокольчики слова.
Наступила глухая пора.
Мы живём не под шелест вишнёвый -
под уверенный стук топора.

Этих белых одежд им милее
вызывающий блеск от-кутю.
Детский лепет цветка одолеет
торжествующий шелест купю.

Роковая судьбы неизбежность -
сад души, обречённый на сруб.
И моя старомодная нежность
запоздало срывается с губ.

Что любили - в утиль обратили,
подменили и облик, и суть.
Победили они, победили
и ногой наступили на грудь.

Гром литавр раздаётся победный.
Но в фальшивящем звуке альты
не «победный» мне слышится - «бедный»,
не «победа» звучит, а «беда».

Под удары дикарского бубна
будут жить, набивая суму,
забывая родимые буквы,
вопреки доброте и уму.

Наш силы неравны, неравны,
против зла - беззащитность души
и бесправная голая правда
против сытой нахрапистой лжи.

Но опомнится всё и очнётся
в неизвестном доселе году.
Тихо ветка в окне покачнётся,
отведя как рукою беду.

Словно после глубокого вдоха
утро в ухо прошепчет: пора...
И начнётся другая эпоха -
без лопахинского топора.

Белым-бело, как будто всё сначала.
Как будто всё, как прежде, по нулям.
Нетронуту глядит и одичало
родившаяся заново земля.

Сугробов груди нежно голубеют.
Душа молчит о чистом и простом.
Я перед снегом выпавшим робею
как перед неисписанным листом.

О если бы вот так же научиться
в сиянье света прятать черноту,
укутать тишиною всё, что мчится,
преображая в вечность суету.

Жить набело, без фальши, без подмены,
сгорать и возрождаться из веков,
как Афродита из житейской пены,
как белый стих из клякс черновиков.

Трамвай желанья заблудившийся
летит в ночи без тормозов.
Жизнь умирает не родившейся
и начинается с азов.

Но будь хотя бы трижды бабушка -
к тебе я ринусь как стрела,
не посмотрев на то, что Аннушка
на рельсы масло разлила.

Трамвай увижу как в тумане я
и лица милых из окон...
Прощай, надежда. Спи, желание.
Остановился мой вагон.

Знаки - проговорки Бога,
словно вехи на пути.
Замело пургой дорогу -
не проехать, не пройти.

Телефон навеки занят,
ручка лишь бумагу рвёт.
А автобус с тормозами -
ни на шаг никак вперёд.

Это знаки, это знаки -
рок, знамение, волшба.
Это значит, это значит,
это значит - не судьба.

Любовь нечаянно испугнула.
Она была почти что рядом.
Крылом обиженно вспорхнула,
растерянным скользнула взглядом

и улетела восвояси,
как «кыш» услышавшая птица.
Мне Божий замысел неясен,
мне это всё не пригодится.

Зачем, скажи мне, прилетала,
куда меня манила песней?
А вот ушла, и сразу стало
бесчувственной и бесчудесней.

Александр Бывшев

Кромы, Орловская область

*Мой стих сильнее топора,
Страшней клыков вампира...*

Виктор Хатеновский

Я грыз гранит наук в МАИ
И обломал все зубы.
Вот потому стихи мои
Грубы, точнее - грубы.

Они ужасней топора,
Страшней клыков вампира...

Кровища капает с пера -
Моя жестока лира.

Люблю шокировать народ
И славить катастрофы.
Держись, читатель, за живот,
В мои вникая строфы.

Осталось только дописать
Ещё два-три куплета. -
Страна не будет вылезать
Полдня из туалета!

*Оглянусь на зеркало украдкой.
Кровь стучит в седеющий висок.
Жизнь моя была совсем не сладкой,
Отчего же сахар так высок?*

Александр Городницкий

Вглядываюсь в зеркало всё утро.
(Диабетчик здесь меня поймёт.)
Жизнь моя - не сахарная пудра,
Не халва, не мюсли и не мёд.

И повисла в воздухе загадка.
От раздумий аж набух висок:
Если с детства было мне не сладко,
Отчего же сахар так высок?

Может, оттого что Мармеладов
Из любимой книги давних лет
Для меня был вместо шоколада,
Горьким заменителем конфет?

Или потому что я когда-то
Сахаровым заболел всерьёз?
И не нужно стало винограда.
Что со мной случилось? - Вот вопрос.

А теперь - как новая неделя -
Должен на приём идти к врачу.
Нет, друзья, хорошенькое дело -
Отдавать за так свою мочу!

Сахар у меня уже под двадцать.
Это ж просто золотое дно!
На себе не дам я наживаться. -
Всё, готовлю флягу! Решено!

*Старуха-процентщица сквером
Бредёт с топором в голове.*

Феликс Хармац

С бокалом всю ночь под рукою,
Скрипя вдохновенным пером,
Создать он задумал такое, -
Не вырубить чтоб топором.